

Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности

В.Н. Галяпина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

После распада СССР более 400 тыс. русских остались проживать в Кыргызстане и Таджикистане. Им приходится адаптироваться к изменившейся ситуации, и в этой связи важно исследовать факторы, обуславливающие их психологическое благополучие. Данное исследование посвящено изучению модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия русских в двух странах Центральной Азии. Выборка составила 578 респондентов. Были использованы шкалы из опросника MIRIPS. Анализ проводился с помощью двух моделей модерации — 1 и 3. Результаты показали, что для русских в двух странах в ситуации низкой воспринимаемой безопасности установки на сепарацию способствуют, а установки на ассимиляцию препятствуют самоуважению. Исследование выявило роль контекста: в Таджикистане (менее благоприятный контекст для русских) в ситуации высокой воспринимаемой безопасности установки на ассимиляцию обуславливают удовлетворенность жизнью, а в Кыргызстане (более благоприятный контекст) в ситуации высокой и умеренной воспринимаемой безопасности интеграционные установки приводят к удовлетворенности жизнью. Можно заключить, что контекст задает паттерн предпочтения той стратегии, которая обеспечивает русским удовлетворенность жизнью в ситуации безопасности: в Таджикистане — это ассимиляция, а в Кыргызстане — интеграция.

Ключевые слова: воспринимаемая безопасность, аккультурационные установки, психологическое благополучие, русские, Кыргызстан, Таджикистан.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Галяпина В.Н. Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404>

Acculturation Attitudes and Psychological Well-Being of Russians in Kyrgyzstan and Tajikistan: The Moderating Role of Perceived Security

Victoria N. Galyapina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

More than 400 thousand Russians remain in Kyrgyzstan and Tajikistan after the collapse of the USSR. They have to adapt to the changing conditions, and it is important to study the factors that determine their psychological well-being. This study focuses on the moderating role of perceived security in the relationship between acculturation attitudes and psychological well-being of the Russians in the two Central Asian countries. The sample included 578 respondents. In the study, we used scales from the MIRIPS questionnaire and carried out analysis using the moderation models 1 and 3. The results showed that for the

Russians in both countries, when perceived security was low, separation attitudes promoted self-esteem, while assimilation attitudes decreased it. The study also revealed the role of the context: in Tajikistan (less favorable context for the Russians), assimilation attitudes contributed to life satisfaction in situations of high perceived security, while in Kyrgyzstan (more favorable context) it was integration attitudes that determined life satisfaction when perceived security was high or medium. We may conclude that the context determines the preference of acculturation strategy that provides the Russians with life satisfaction in the situation of perceived security: the assimilation strategy in Tajikistan, and the integration strategy in Kyrgyzstan.

Keywords: perceived security, acculturation attitudes, psychological well-being, Russians, Kyrgyzstan, Tajikistan.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RCF), project number 20-18-00268.

For citation: Galyapina V.N. Acculturation Attitudes and Psychological Well-Being of Russians in Kyrgyzstan and Tajikistan: The Moderating Role of Perceived Security. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404> (In Russ.).

Введение

После распада СССР русские, проживающие в новых независимых государствах Средней Азии, столкнулись с множеством проблем: изменение статуса, дискриминация по этническому признаку, негативное отношение со стороны титульных этнических групп и др. [6]. Многие русские покинули новые государства, оставшиеся стараются адаптироваться к изменившимся условиям. По статистическим данным, на сегодняшний день в Таджикистане проживают около 34 тыс., а в Кыргызстане 360 тыс. русских [4; 6]. В связи с этим важно понимать, какие факторы способствуют психологическому благополучию русских в этих странах.

Многочисленные исследования [9] показывают, что важным для успешной психологической адаптации является выбор представителями этнического меньшинства аккультурационных стратегий. Однако исследователи подчеркивают, что выбор стратегии определяется социокультурным контекстом, включающим политику в отношении этнических меньшинств и установки титульных этнических групп по отношению к меньшинствам [14]. Одним из важных контекстуальных факторов является воспринимаемая угроза/безопасность. Высокая воспринимаемая угроза ведет к предрассудкам, дискриминации со стороны большинства, а воспринимаемая безопасность, напротив, взаимосвязана с идеологией мультикультурализма и установками на интеграцию меньшинств [22].

Исследования показывают [15], что воспринимаемая угроза/безопасность также оказывает воздействие на психологическое благополучие людей, поскольку потребность в безопасности является базовой для человека. Однако большинство исследований проводилось среди представителей этнического большинства. В связи с этим остается неясным вопрос, какова роль воспринимаемой угрозы/безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия у

представителей этнического меньшинства, в нашем случае русских? Наше исследование нацелено на осмысление роли социокультурного контекста двух государств Средней Азии — Кыргызстана и Таджикистана в психологическом благополучии русских жителей этих стран.

Взаимосвязь аккультурационных стратегий и психологического благополучия

В исследованиях мигрантов и представителей этнических меньшинств показано, что наиболее эффективной аккультурационной стратегией является интеграция [9], она позитивно взаимосвязана с психологической адаптацией [16].

Однако в некоторых исследованиях выявлена важность стратегии ассимиляции в адаптации мигрантов и этнических меньшинств [12]. Так, в исследовании мигрантов из Средней Азии в России было установлено, что стратегия ассимиляции положительно взаимосвязана с их социокультурной адаптацией и удовлетворенностью жизнью [14].

Кроме этого, выбор стратегии сепарации позволяет прогнозировать как положительный, так и отрицательный результат адаптации мигрантов и этнических меньшинств. В исследовании межкультурных отношений в Дагестане выявлено, что у аварцев стратегия сепарации позитивно связана с удовлетворенностью жизнью [11]. А в исследовании мигрантов и принимающего населения Германии, напротив, было установлено, что предпочтение стратегии сепарации отрицательно взаимосвязано с их адаптацией [20].

Как показывают исследования [10], стратегия маргинализации является наименее эффективной и не приводит к психологическому благополучию. По этой причине исследователи часто не рассматривают данную стратегию в контексте проблемы психологического благополучия мигрантов и этнических меньшинств.

Взаимосвязь воспринимаемой угрозы/безопасности, межкультурных установок и благополучия

Во многих исследованиях воспринимаемая угроза изучается как стрессовый фактор для межгрупповых отношений [17; 21]. Большинство исследований сосредоточено на изучении взаимосвязи воспринимаемой угрозы с межкультурными установками у принимающего населения по отношению к мигрантам [8; 21]. Исследования, проведенные в Северной Ирландии и Израиле, продемонстрировали положительную взаимосвязь между символической угрозой и этноцентризмом [26]. А в исследовании, проведенном в Канаде, доказано, что воспринимаемая культурная и экономическая безопасность отрицательно коррелировали с этноцентризмом и положительно — с идеологией мультикультурализма [8].

В исследованиях также выявлена взаимосвязь воспринимаемой угрозы и аккультурационных установок [10; 18]. Например, исследование доминирующих этнических групп во Франции, Германии и Великобритании показало, что если представители этнического большинства чувствуют угрозу со стороны мигрантов, то они в меньшей степени ожидают ассимиляции мигрантов в их стране [10].

Ряд исследователей анализировали взаимосвязь воспринимаемой угрозы и аккультурационных установок среди этнических меньшинств [13]. Например, исследование русских, живущих в Эстонии, показало, что русские, предпочитающие интеграцию, демонстрировали низкий уровень культурной угрозы, а русские, предпочитающие ассимиляцию и сепарацию, характеризовались более высокой воспринимаемой культурной угрозой [13].

Немногие исследования фокусируются на последствиях воспринимаемой угрозы для психологического благополучия. Исследование, проведенное в Северной Ирландии, показало, что воспринимаемая межгрупповая угроза способствует ухудшению благополучия принимающего населения страны [15].

Таким образом, анализ показывает, что чаще всего воспринимаемая угроза изучается у представителей этнического большинства в контексте ее взаимосвязи с межкультурными установками [17]. Исследований, в которых бы делался акцент на изучении взаимосвязи воспринимаемой угрозы/безопасности с психологическим благополучием у этнических меньшинств практически нет.

В ряде исследований изучалась медиативная роль воспринимаемой угрозы. Например, Аберсон [7] установил, что символическая и реальная угрозы опосредуют взаимосвязь между межгрупповыми контактами и предубеждениями. Однако роль воспринимаемой угрозы во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия среди представителей меньшинств не ясна. Важно проанализировать, будет ли воспринимаемая угроза/безопасность выступать условием, повышающим/понижающим взаимосвязь определенных аккультурационных стратегий с психологическим

благополучием представителей этнических меньшинств.

Социокультурный контекст

Данное исследование проводилось в двух государствах Средней Азии — Кыргызстане и Таджикистане, социокультурный контекст которых имеет как сходства, так и различия. Русские составляют в обеих странах этническое и религиозное меньшинство, но русских в Кыргызстане практически в 10 раз больше, чем в Таджикистане (около 360 тыс. и около 38 тыс. соответственно). В Кыргызстане по Конституции [1], в отличие от Таджикистана, русский язык является государственным, почти треть государства общается на русском языке. В Таджикистане русский язык — это язык науки и культуры, но не повседневного общения. В Кыргызстане также есть больше возможностей для получения образования на русском языке, чем в Таджикистане [3]. Кроме этого, можно отметить, что в Кыргызстане межэтнические отношения между доминирующей этнической группой и русскими более благоприятные, чем в Таджикистане [4; 6]. Можно заключить, что социокультурный контекст Кыргызстана является более безопасным и более благоприятным для проживания русских.

Опираясь на анализ исследований и учитывая особенности социокультурного контекста, мы сформулировали наши исследовательские вопросы.

1. Какова модерационная роль воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок (интеграция, ассимиляция и сепарация) и психологического благополучия (самоуважения и удовлетворенности жизнью) среди представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане и Таджикистане?

2. Каковы межстрановые различия выявленной модерационной роли воспринимаемой безопасности

Выборка исследования

В данное исследование вошли представители русского этнического меньшинства (N=300, из них 35% мужчин, средний возраст — 35,56 лет) в Кыргызстане и Таджикистане (N=278, из них 33% мужчин, средний возраст — 31,58 лет).

Инструментарий

В данном исследовании мы использовали шкалы из опросника проекта MIRIPS, переведенного и адаптированного для русской выборки [2].

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала 3 пункта, например: «В Кыргызстане/Таджикистане есть место многообразию языков и культур»); все $\alpha > 0,50$.

Стратегии аккультурации. Шкала интеграции включала 3 пункта: «Для меня важно свободно вла-

деть как кыргызским/таджикским, так и русским языками»; шкала ассимиляция включала 3 пункта: «Я предпочитаю общественную деятельность, в которой участвуют только кыргызы/таджики»; шкала сепарации включала 3 пункта: «Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, в которых участвуют только русские»; все $\alpha > 0,67$.

Психологическое благополучие измерялось с помощью двух шкал — *шкалы самоуважения*, включающей 4 утверждения, например: «Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими» (все $\alpha > 0,68$) — и *шкалы удовлетворенности жизнью*, включающей 4 утверждения, например: «Во многом моя жизнь близка к идеалу» (все $\alpha > 0,74$).

Социально-демографические данные: пол, возраст, образование и этническая принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных: были использованы описательные статистики, α Кронбаха, MANOVA и регрессионный анализ с дополнительным модерационным анализом (модуль «Процесс», применялись модели 1 и 3), (SPSS 22.0).

Процедура исследования

В опросе использовалась удобная выборка, применялся метод «снежного кома». В распространении опросника в Кыргызстане помогали исследователи из Кыргызско-Российского Славянского университета, в Таджикистане — из Российско-Таджикского (славян-

ского) университета. Участие в исследовании было добровольным, не предполагало вознаграждения.

Результаты

На первом этапе мы сравнили все исследуемые переменные у русских, проживающих в Кыргызстане и Таджикистане, с помощью MANOVA (страна была независимой переменной, воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и психологическое благополучие — зависимыми). Результаты показали значимые различия: Wilks's $\Lambda=0,775$; $F(6, 566)=27,331$; $p=0,000$; $\eta^2=0,225$. Различия по отдельным показателям также были значимыми за исключением удовлетворенности жизнью. Результаты представлены в табл. 1.

Для ответа на наши исследовательские вопросы мы провели модерационный анализ. Чтобы ответить на наш первый исследовательский вопрос и проверить, изменяется ли взаимосвязь каждой аккультурационной установки (X) с самоуважением и удовлетворенностью жизнью (Y) в зависимости от уровня воспринимаемой безопасности (W), мы использовали Модель 1 (рис. 1).

Для ответа на второй исследовательский вопрос мы использовали модель модерируемого модератора (Модель 3), позволяющего проанализировать, изменяется ли модерационный эффект воспринимаемой безопасности в зависимости от страны: аккультурационные установки (X) — предиктор, психологиче-

Таблица 1

Сравнение средних значений всех переменных у представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане и Таджикистане

Переменные	Группы		F (3, 573)	Partial η^2
	Русские Кыргызстана	Русские Таджикистана		
	M (SD)	M (SD)		
Воспринимаемая безопасность	3,04(0,93)	3,61(0,95)	52,54***	0,084
Интеграция	4,41(0,75)	4,14(0,87)	15,95***	0,027
Ассимиляция	1,49 (0,56)	1,93(0,80)	58,51***	0,093
Сепарация	3,01(0,90)	2,62(0,92)	27,12***	0,045
Самоуважение	4,31(0,57)	4,15(0,72)	9,38**	0,016
Удовлетворенность жизнью	3,35(0,80)	3,26(0,96)	1,21	0,002

Рис. 1. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия

ское благополучие (Y) — ауткам, воспринимаемая безопасность (W) — модератор, страна (Z) — модератор модератора (рис. 2).

В таблицах представлены только значимые нестандартизированные коэффициенты). В табл. 2 представлены результаты анализа моделей для переменной «самоуважение». Что касается модерационного эффекта воспринимаемой безопасности на взаимосвязь стратегии ассимиляции с самоуважением русских на всей выборке (Модель 1), то модель показала значимый эффект двухстороннего взаимодействия (рис. 3).

Если посмотреть на коэффициенты регрессии для XW ($b = 0,086$; $t = 2,436$; $p = 0,015$ с 95% доверительным интервалом от 0,017 до 0,158), то можно сказать, что при низкой воспринимаемой безопасности предпочтение ассимиляции будет препятствовать самоуважению русских (рис. 3).

Также результаты таблицы показывают, что существует прямая отрицательная взаимосвязь между

предпочтением стратегии ассимиляции и самоуважением русских.

Что касается модулируемой модерации (XWZ), Модель 3 не показала статистически значимых эффектов взаимодействия обоих модераторов (воспринимаемой безопасности, страны) и предиктора (ассимиляции). Это позволяет заключить, что межстрановых различий в модерационной роли воспринимаемой безопасности нет (эффект страны не значим).

Результаты также показали, что существует модерационный эффект страны на взаимосвязь ассимиляции и самоуважения (XZ).

Также мы выявили значимый модерационный эффект воспринимаемой безопасности на взаимосвязь стратегии сепарации с самоуважением русских (рис. 4). Модель показала, что эффект интеракции воспринимаемой безопасности и сепарации (XW) является отрицательным: $b = -0,058$; $t = -2,008$; $p = 0,045$ с 95% доверительным интервалом от -0,115

Рис. 2. Модель 3 модулируемой роли (страны) модератора (воспринимаемой безопасности) во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия

Таблица 2

Нестандартизированные бета-коэффициенты и индексы моделей взаимосвязи стратегий аккультурации, воспринимаемой безопасности и страны с самоуважением

Предикторы	Модель 1: R = 0,321; R ² = 0,097; p = 0,001	Модель 3: R = 0,360; R ² = 0,129; p = 0,001
Ассимиляция	-0,518 (p < 0,001)	0,207 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	-0,006 (p > 0,05)	0,052 (p > 0,05)
Страна		0,157 (p > 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность	0,086 (p < 0,05)	-0,052 (p > 0,05)
Ассимиляция × Страна		-0,464 (p < 0,05)
Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,027 (p > 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность × Страна		0,094 (p > 0,05)
	Модель 1: R = 0,204, R ² = 0,042; p = 0,001	Модель 3: R = 0,291; R ² = 0,045; p = 0,001
Сепарация	0,243 (p < 0,05)	0,440 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	0,304 (p < 0,001)	0,273 (p > 0,05)
Страна		0,001 (p > 0,05)
Сепарация × Воспринимаемая безопасность	-0,058 (p < 0,05)	-0,088 (p > 0,05)
Сепарация × Страна		-0,205 (p > 0,05)
Сепарация × Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,003 (p > 0,05)

до $-0,001$ (рис. 4). Мы можем говорить, что стратегия сепарации способствует самоуважению русских в ситуации низкой и умеренной воспринимаемой безопасности.

Также результаты показывают, что существует прямая положительная взаимосвязь между предпочтением стратегии сепарации и самоуважением русских в обеих странах.

Модель 3 показала статистически незначимый эффект трехстороннего взаимодействия стратегии сепарации, воспринимаемой безопасности и страны (XWZ) на самоуважение русских. То есть мы можем говорить, что между русскими, живущими в Кыргызстане и Таджикистане, нет значимых различий в роли, которую играет воспринимаемая безопасность во взаимосвязи сепарации с самоуважением.

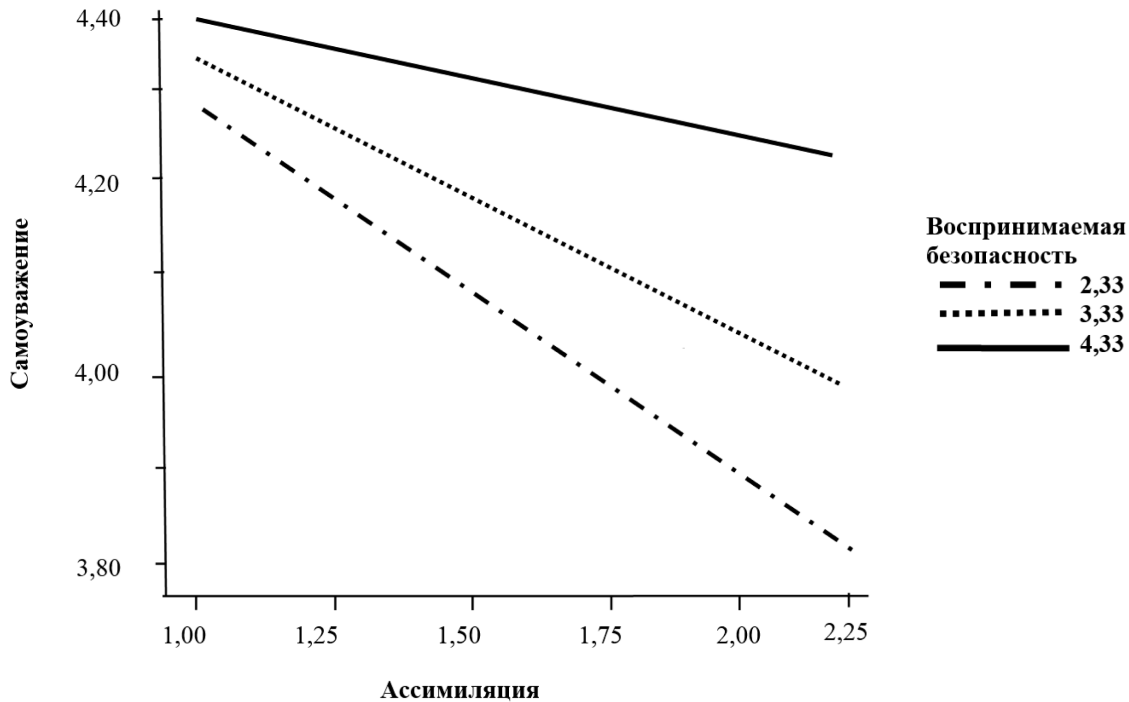

Рис. 3. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи ассимиляции и самоуважения у русских

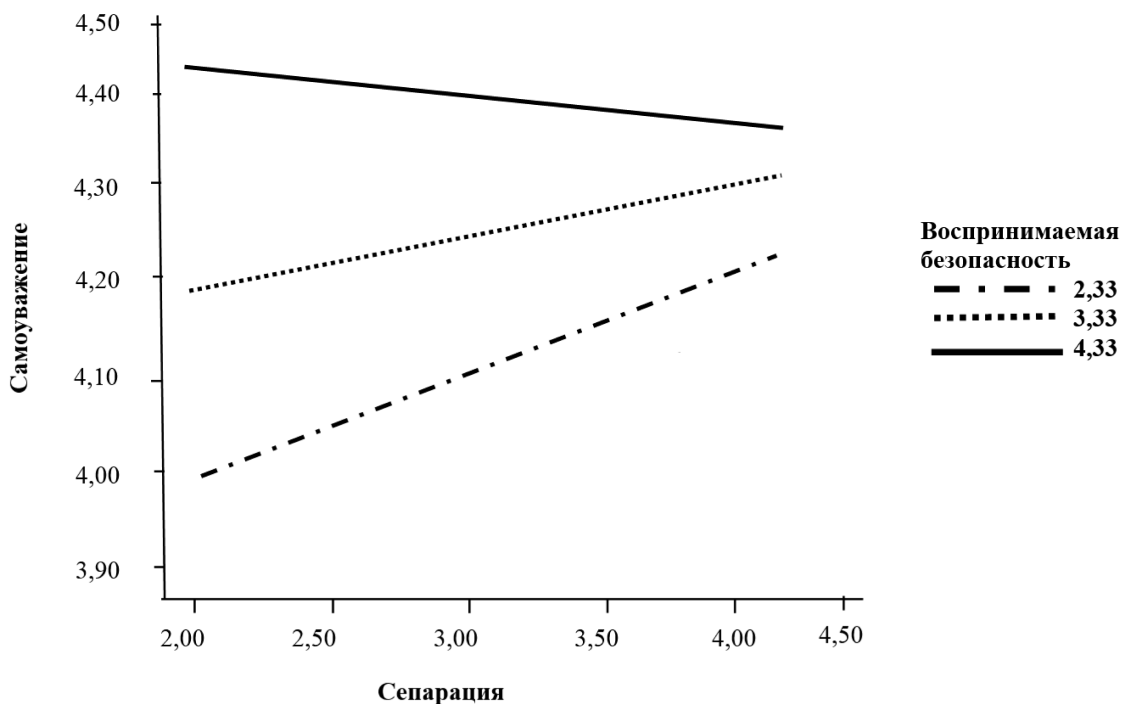

Рис. 4. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи сепарации и самоуважения у русских

Результаты, представленные в табл. 3, показывают эффекты для переменной «удовлетворенность жизнью».

Что касается связи ассимиляции, воспринимаемой безопасности с удовлетворенностью жизнью, Модель 1 показала статистически значимый прямой эффект ассимиляции на удовлетворенность жизнью и значимый эффект взаимодействия (XW) (рис. 5). Коэффициенты регрессии: $b = 0,144$; $t = 2,968$; $p = 0,003$ с 95% доверительным интервалом от 0,048 до 0,240. То

есть можно сказать, что при условии низкой воспринимаемой безопасности установки на ассимиляцию снижают удовлетворенность жизнью, а при условии высокой воспринимаемой безопасности ассимиляция, напротив, способствует удовлетворенности жизнью русских в Кыргызстане и Таджикистане.

Модель 3 также показала значительный эффект трехстороннего взаимодействия (рис. 6). Если посмотреть на коэффициент регрессии для XWZ ($b = 0,216$; $t = 2,075$; $p = 0,038$ с 95% доверительным

Таблица 3

Нестандартизированные бета-коэффициенты и индексы моделей взаимосвязи стратегий аккультурации, воспринимаемой безопасности и страны с удовлетворенностью жизнью

Предикторы	Модель 1: R = 0,327; R ² = 0,107; p = 0,001	Модель 3: R = 0,370; R ² = 0,137; p = 0,001
Ассимиляция	-0,476 (p < 0,01)	0,708 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	0,024 (p > 0,05)	0,678 (p < 0,05)
Страна		1,251 (p < 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность	0,144 (p < 0,01)	-0,174 (p > 0,05)
Ассимиляция × Страна		-0,786 (p < 0,05)
Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,427 (p < 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность × Страна		0,216 (p < 0,05)
	Модель 1: R = 0,321; R ² = 0,102; p = 0,001	Модель 3: R = 0,353; R ² = 0,124; p = 0,001
Интеграция	0,023 (p > 0,05)	-0,605 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	0,141 (p > 0,05)	-1,166 (p > 0,05)
Страна		-1,819 (p > 0,05)
Интеграция × Воспринимаемая безопасность	0,027 (p > 0,05)	0,320 (p < 0,05)
Интеграция × Страна		0,351 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность × Страна		0,769 (p < 0,05)
Интеграция × Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,169 (p < 0,05)

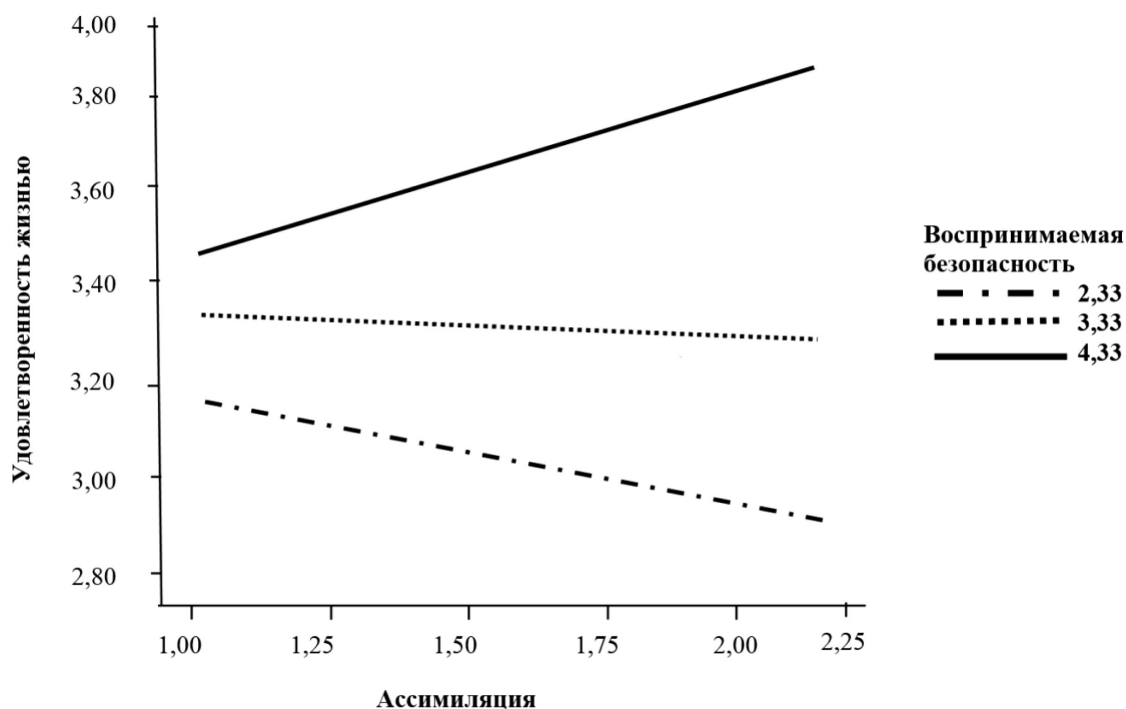

Рис. 5. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи ассимиляции и удовлетворенности жизнью у русских

интервалом от 0,012 до 0,420), то можно сказать, что величина влияния воспринимаемой безопасности на взаимосвязь стратегии ассимиляции с удовлетворенностью русских своей жизнью зависит от страны. Эффект воспринимаемой безопасности на взаимосвязь ассимиляции и удовлетворенности жизнью был положительным, но разница между теми, кто имел высокий и низкий уровень воспринимаемой безопасности, была выше в Таджикистане.

Также мы выявили значимые прямые положительные эффекты воспринимаемой безопасности и страны проживания на удовлетворенность жизнью. Эффекты взаимосвязи ассимиляции и страны проживания, а также взаимосвязи воспринимаемой безопасности и страны проживания были значимыми отрицательными.

Наконец мы выявили, что эффект трехстороннего взаимодействия установок на интеграцию, вос-

принимаемой безопасности и страны на удовлетворенность жизнью русских (Модель 3: $b = -0,169$; $t = -1,797$; $p = 0,043$ с 95% доверительным интервалом от $-0,354$ до $-0,015$) является значимым. Мы видим (рис. 7), что в Таджикистане эффект воспринимаемой безопасности на взаимосвязь интеграции и удовлетворенности жизнью был отрицательным, но разницы между теми, кто имел высокий, умеренный и низкий уровень безопасности, практически не было. В Кыргызстане, напротив, выявлена значимая разница между теми, кто имеет высокий, средний и низкий уровни воспринимаемой безопасности: при высоком и среднем уровнях стратегия интеграции способствовала удовлетворенности русских своей жизнью, при низком уровне эта связь становилась практически незначимой.

Также мы выявили положительные эффекты двухстороннего взаимодействия стратегии интегра-

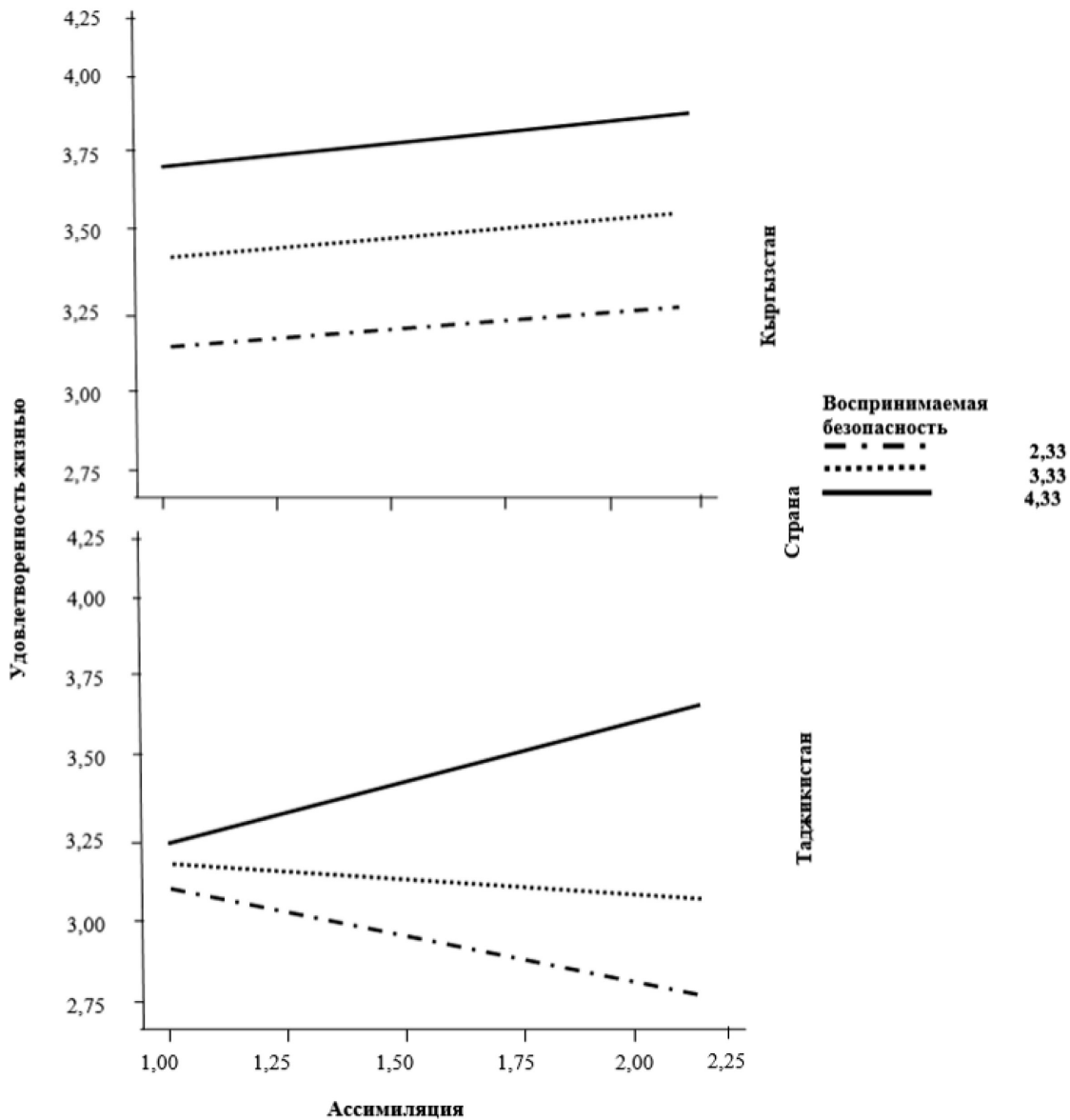

Рис. 6. Модель 3 модулируемой модерации воспринимаемой безопасности во взаимосвязи ассимиляции и удовлетворенности жизнью у русских в Кыргызстане и Таджикистане

ции и воспринимаемой безопасности на удовлетворенность жизнью, а также воспринимаемой безопасности и страны проживания на удовлетворенность жизнью русских (см. табл. 4).

Обсуждение результатов и выводы

Проведенное нами исследование фокусировалось на анализе роли воспринимаемой безопасности в выборе стратегий аккультурации и психологическом благополучии русских в двух странах Средней Азии: Кыргызстане и Таджикистане. Результаты нашего исследования показали, что при низком и умеренном уровнях воспринимаемой безопасности предпочтительные стратегии ассимиляции не будут способствовать самоуважению русских в Кыргызстане и Таджикистане, а стратегия сепарации, напротив, обуславлива-

ет высокий уровень самоуважения. Эта взаимосвязь является универсальной для двух стран.

Можно сказать, что когда русские ощущают опасность, их ориентация на поддержание собственной культуры способствует их самоуважению. Исследователи из разных областей гуманитарного знания [5] отмечают, что в период нестабильности и социальных катаклизмов преодолеть негативные последствия переживаемого ощущения опасности помогает обращение к культурным корням как источнику духовной силы. То есть культура выступает неким «средством» защиты человека от угроз.

В целом, эти данные согласуются с идеей Д. Берри [9] о том, что только когда люди уверены, что их культурной идентичности ничто не угрожает, они могут принять тех, кто отличается от них. И наоборот, когда люди чувствуют угрозу, у них развиваются предубеждения и установки дискриминации по от-

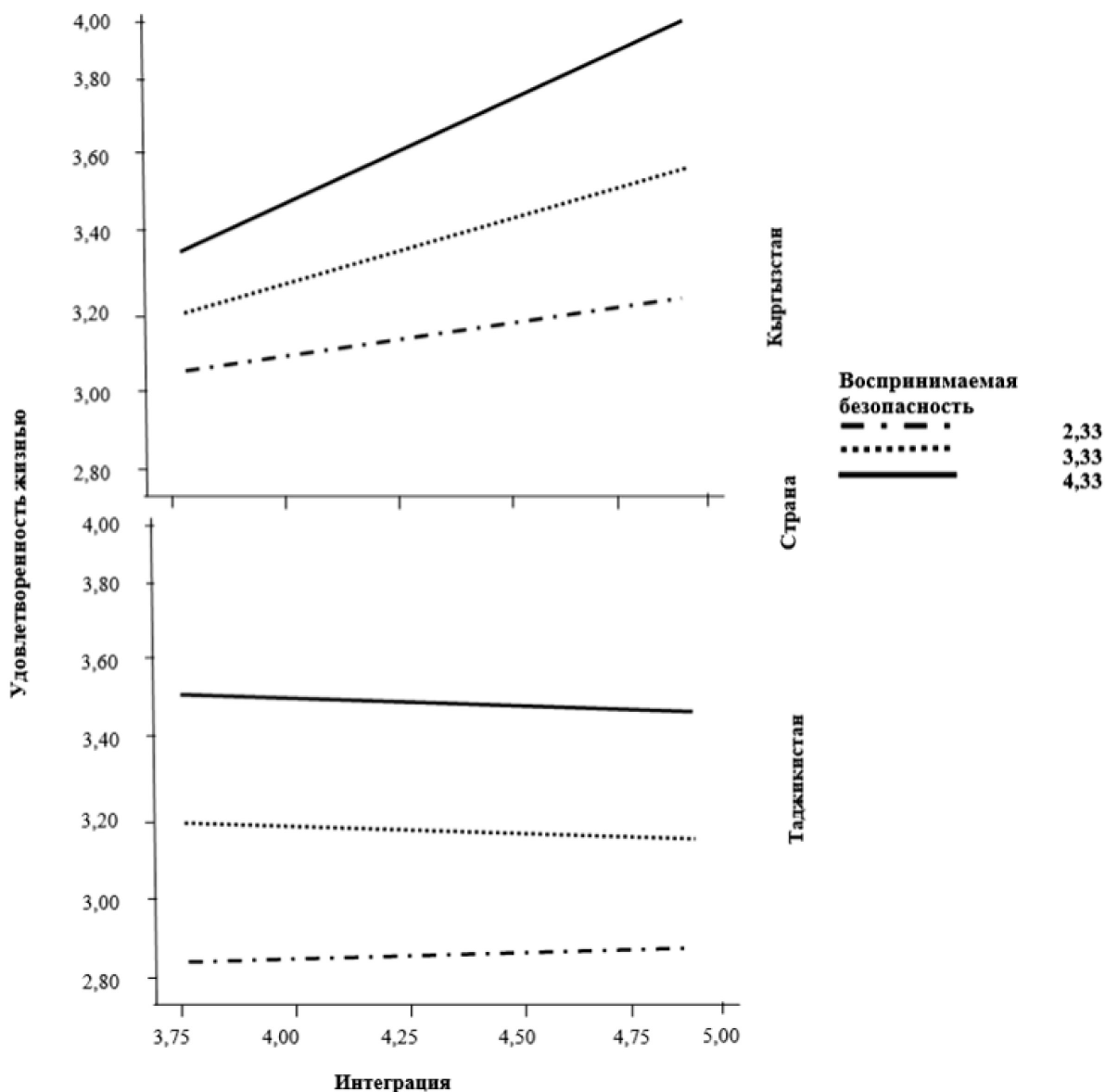

Рис. 7. Модель 3 модулируемой модерации воспринимаемой безопасности во взаимосвязи интеграции и удовлетворенности жизнью у русских в Кыргызстане и Таджикистане

ношению к угрожающей им группе, что влечет за собой снижение психологического благополучия.

Наше исследование показало, что при высоком уровне воспринимаемой безопасности предпочтение стратегии ассимиляции способствует удовлетворенности русских своей жизнью, а при низком, напротив, препятствует. Однако, как продемонстрировали результаты, подобная роль воспринимаемой безопасности в большей мере характерна для социокультурного контекста Таджикистана, который, по данным исследований, является неблагоприятным для русских [4]. То есть в неблагоприятном социокультурном контексте только при высоком уровне воспринимаемой безопасности ассимиляционная стратегия будет приводить к удовлетворенности жизнью, а при низком уровне воспринимаемой безопасности, напротив, установки на принятие культуры этнического большинства будут снижать удовлетворенность жизнью. Наши данные согласуются с результатами Малдуна и Шмида [15], которые изучали взаимосвязь воспринимаемой угрозы с психологическим благополучием, принимая во внимание роль политического конфликта у жителей Северной Ирландии. Их результаты показали, что только в ситуации, когда конфликт затрагивал людей, воспринимаемая угроза повышала идентификацию с собственной культурой, но снижала психологическое благополучие.

Модерирующая роль контекста была нами также выявлена при анализе модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи стратегии интеграции и удовлетворенности жизнью. Результаты показали, что только в Кыргызстане (более благоприятный социокультурный контекст) при высоком и среднем уровнях воспринимаемой безопасности стратегия сохранения своей культуры и принятие

культуры этнического большинства способствовали удовлетворенности русских своей жизнью; при низком уровне безопасности эта связь становилась незначимой. Можно заключить, что интеграционная стратегия приводит к удовлетворенности жизнью, когда и воспринимаемая безопасность достаточно высока, и реальный контекст является благоприятным и не несет открытой угрозы [6].

В целом, результаты исследования продемонстрировали, что для русских в Средней Азии (на примере изученных стран) большую роль во взаимосвязи их аккультурационных установок и психологического благополучия играет воспринимаемая безопасность. В ситуации, когда русские чувствуют угрозу, их установки на сепарацию приносят им самоуважение, а установки на ассимиляцию, напротив, не способствуют их психологическому благополучию.

Исследование также показало значимую роль контекста. Так, в Таджикистане, где для русских сложился не очень благоприятный социокультурный контекст, только в ситуации высокой воспринимаемой безопасности установки на ассимиляцию взаимосвязаны с удовлетворенностью жизнью. В более благоприятном для русских контексте — Кыргызстане — в ситуации высокой и умеренной воспринимаемой безопасности интеграционные установки приводят к удовлетворенности жизнью. Можно сказать, что контекст задает паттерн предпочтения той стратегии, которая обеспечивает русским удовлетворенность жизнью в ситуации безопасности: в Таджикистане — это ассимиляция, а в Кыргызстане — интеграция.

Исследование показало, что проблеме воспринимаемой безопасности/угрозы должно уделяться большее внимание в публичном дискурсе этих стран для психологического благополучия русских, проживающих в этих странах.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики, 2021. [Электронный ресурс] URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009.
3. Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии [Электронный ресурс] // *Полития*. 2015. № 4(79) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 21.02.2021).
4. Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: ИЭА РАН, 2011. 290 с.
5. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // *Расы и народы*. 1990. № 20. С. 5–40.
6. Элебаева А. Б. Межэтнические противоречия и конфликты в национально-государственном строительстве Кыргызстана // *Вестник КРСУ*. 2014. Том 14. № 9. С. 159–163.
7. Aberson C. L. Indirect Effects of Threat on the Contact—Prejudice Relationship: A Meta-Analysis // *Social*

References

1. Konstitutsiya Kyrgyzskoy Respubliki [Constitution of the Kyrgyz Republic], 2021. Available at: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (Accessed 05.10.2021). (In Russ.)
2. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia. Moscow: RUDN, 2009. (In Russ.)
3. Letnyakov D.E. Rol' russkogo yazyka v postsovetskoy Tsentral'noy Azii [The role of the Russian language in post-Soviet Central Asia]. *Politiya*, 2015. Vol. 4 no. 79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (Accessed 02.21.2021). (In Russ.)
4. Sitnyanskiy G.U. Rossiya i Tsentral'naya Aziya: vmeste ili vroz'?' Mezhetnicheskiye otnosheniya v Sredney Azii i Kazakhstane i Rossiya [Russia and Central Asia: Together or Apart? Interethnic relations in Central Asia and Kazakhstan and Russia]. Moscow: IEA RAN, 2011. 290 p. (In Russ.)
5. Susokolov A.A. Strukturnyye faktory samoorganizatsii etnosa [Structural factors of self-organization of the ethnol].

- Psychology. 2019. Vol. 50. № 2. P. 1–22. DOI: 10.1027/1864-9335/a000364
8. Berry J. W., Kalin R. Multicultural Policy and Social Psychology: The Canadian Experience // Political Psychology in Cross-cultural Perspective / S. Renshon, J. Duckitt (Ed.). New York: MacMillan, 2000. P. 263–284.
9. Berry J.W. (Ed.) Mutual Intercultural Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316875032.001
10. Croucher S.M. Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: an analysis of Muslim immigration in Western Europe // Communication Monographs. 2013. Vol. 80. P. 46–62
11. Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation // Central Asia and the Caucasus. 2021. Vol. 22. № 1. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
12. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37. № 9. P. 1423–1440. DOI: 10.1080/1369183X.2011.623617
13. Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians // Studies of Transition States and Societies. 2009. Vol. 1. P. 3–24.
14. Lebedeva N., Ryabichenko T. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. № 1. P. 98–111. DOI: 10.11621/pir.2016.0107
15. Muldoon O.T., Schmid K. Perceived Threat, Social Identification, and Psychological Well-Being: The Effects of Political Conflict Exposure // Political Psychology, 2015. Vol. 29. DOI: 10.1111/pops.12073
16. Nguyen A.-M.D., Benet-Martínez V. Biculturalism and Adjustment: A Meta-Analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. 22022111435097. <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
17. Nshom E., Croucher S.M. Threats and attitudes toward Russian-speaking immigrants: a comparative study between younger and older Finns Russian // Journal of Communication. 2014 Vol. 6. №. 3. P. 308–317. <http://dx.doi.org/10.1080/19409419.2014.954599>
18. Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A. When attitudes do not fit: discordance of acculturation attitudes as an antecedent of intergroup threat // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. Vol. 34. P. 337–352.
19. Rouhana N.N., Fiske S.T. Perception of power, threat, and conflict intensity on asymmetric intergroup conflict // Journal of Conflict Resolution. 1995. Vol. 39. № 1. P. 49–82.
20. Schmitz P.G., Berry J.W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A Study with immigrant and national samples in Germany // Crossing borders: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor / F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, K. Boehnke (Eds.). Jacobs University Bremen, 2011.
21. Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory // Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination / T.D. Nelson (Ed.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2009. P. 43–59.
22. Ward C., Masgoret A.-M. Attitudes toward Immigrants, Immigration, and Multiculturalism in New Zealand: A Social Psychological Analysis // International Migration Review. 2008. Vol. 42. № 1. P. 227–248. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2007.00119.x
- Rasy i narody = Races and peoples*, 1990, no. 20, pp. 5–40. (In Russ.).
6. Elebayeva A. B. Mezhetnicheskiye protivorechiya i konflikty v natsional'no-gosudarstvennom stroitel'stve Kyrgyzstana [Interethnic contradictions and conflicts in the national-state construction of Kyrgyzstan]. *Vestnik KRSU*, 2014. Vol 14, no 9, pp. 159–163. (In Russ.).
7. Aberson C. L. Indirect Effects of Threat on the Contact–Prejudice Relationship: A Meta-Analysis. *Social Psychology*, 2019. Vol. 50, no 2. pp. 1–22. DOI: 10.1027/1864-9335/a000364
8. Berry J. W., Kalin R. Multicultural Policy and Social Psychology: The Canadian Experience. / In Political Psychology in Cross-cultural Perspective, ed. S. Renshon and J. Duckitt, (pp.) 263–284. New York: MacMillan, 2000
9. Berry J. W. (Ed.) Mutual Intercultural Relations). Cambridge: Cambridge University Press. 2017. DOI: 10.1017/9781316875032.001
10. Croucher S.M. Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: an analysis of Muslim immigration in Western Europe. *Communication Monographs*, 2013. Vol. 80, pp. 46–62
11. Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and the Caucasus*, 2021. Vol. 22, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
12. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. Vol. 37, no. 9, pp. 1423–1440. DOI: 10.1080/1369183X.2011.623617
13. Kruusvall J., Vetik R., Berry J. W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, 2009. Vol. 1, pp. 3–24
14. Lebedeva N., Ryabichenko T. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9, no. 1, pp. 98–111. DOI: 10.11621/pir.2016.0107
15. Muldoon O. T., Schmid K. Perceived Threat, Social Identification, and Psychological Well-Being: The Effects of Political Conflict Exposure. *Political Psychology*, 2015. Vol. 29. DOI: 10.1111/pops.12073
16. Nguyen A.-M. D., Benet-Martínez V. Biculturalism and Adjustment: A Meta-Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012. 22022111435097 <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
17. Nshom E., Croucher S. M. Threats and attitudes toward Russian-speaking immigrants: a comparative study between younger and older Finns Russian. *Journal of Communication*, 2014. Vol. 6, no. 3. pp. 308–317. <http://dx.doi.org/10.1080/19409419.2014.954599>
18. Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A. When attitudes do not fit: discordance of acculturation attitudes as an antecedent of intergroup threat. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2008. Vol. 34, pp. 337–352.
19. Rouhana N.N., Fiske S.T. Perception of power, threat, and conflict intensity on asymmetric intergroup conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 1995. Vol.39, no. 1, pp. 49–82.
20. Schmitz P. G., Berry J. W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A Study with immigrant and national samples in Germany / In F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, & K. Boehnke (Eds.), Crossing borders: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor. Jacobs University Bremen. 2011.

21. Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory / In T.D. Nelson (Ed.), Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination (pp. 43–59). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2009.

22. Ward C., Masgoret A.-M. Attitudes toward Immigrants, Immigration, and Multiculturalism in New Zealand: A Social Psychological Analysis. *International Migration Review*, 2008. Vol. 42, no. 1, pp. 227–248. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2007.00119.x

Информация об авторах

Галяпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Information about the authors

Victoria N. Galyapina, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021